

Пес в славянских сказках

Галина И. Кабакова

В славянских сказках собака предстает как персонаж амбивалентный. Наиболее контрастный образ собаки возникает в этиологическом корпусе, поскольку он обосновывает статус того или иного персонажа или объекта в данной культуре. Пес может выступать как положительный персонаж, например, как культурный герой, однако во множестве сюжетов собака не справляется со своей основной функцией сторожа. Пес может быть отрицательным персонажем, который в конце концов терпит неудачу, и в некоторых сказках о животных. Однако и в этом сказочном корпусе, и в других собака по большей частью наделяется положительными качествами, прежде всего преданностью, готовностью выступать в роли помощника, приносить удачу.

Ключевые слова: собака, волк, кошка, волшебный помощник, культурный герой, этиология.

В славянском сказочном корпусе собака предстает как персонаж противоречивый, чья оценка сильно варьируется от типа сказки. В своей статье я останавлиюсь на функциях и оценке собаки в разных типах сказок: этиологических, волшебных, новеллистических и в сказках о животных.

Этиологический корпус

В этиологиях собака выступает как персонаж двойственный, и в отличие от кошки скорее отрицательный, чем положительный. В некоторых вариантах собака выступает божьим творением. Так, собака была создана Богом одновременно с человеком (киров., хомол.) или вскоре после создания Адама, чтобы охранять его (смолен.) (УИМ 2017: 128-129; Раденковић 2023: 473). У словенцев Бог создает пса по просьбе Ноя, чтобы защитить его от воров или иных обидчиков (Kosi 1897: 205; Brezovnik 1894: 5). Или пес возникает из камней или

рукавиц, брошенных Богом, чтобы прогнать волка (болг., макед.), или Бог одним ударом ломает два ребра у волка, и из них выскакивают сука и кобель и кидаются на волка (макед.) (БНТ 1963: 272, 484). Мотив параллельного создания собаки Богом, а волка дьяволом известен на Балканах сербам Крагуеваца, и в Польше в Катовицком воеводстве (АТУ 773 «Соперничество Бога и дьявола») (Гура 1997: 122).

Бог может создать собак из червей, кишящих в теле убитого Авеля, или они сами возникают из червей в теле мертвого Каина (макед.) (БНТ 1963: 272, 484). В силезской версии той же легенды Каин и Абель не названы, но Бог также превращает червей, пожирающих тело жертвы братоубийства, в собак (Simonides 2010 : 94). У восточных славян появление собаки также связывают с Каином. В результате проклятия за свое преступление он породил в лесу нечистых зверей: собаку, медведя, кота и т.п. (екатеринослав.) (ВЭСЛ 2019: 156).

Происхождение собаки и в других сюжетах оценивается негативно. По украинской легенде, собака, а также кот и конь возникли из земли, утаенной Сатаной при творении суши, а затем выплюнутой им (ВЭСЛ 2019: 380). Или черт «анчутка» хочет создать человека, но получается собака, хотя в большинстве других вариантов у него выходит волк. Едва ожив, она бросается на своего создателя и откусывает ему пятки (орлов.) (ВЭСЛ 2019: 382). Пес святого Саввы, которого хозяин проклял за то, что он задрал его овцу, стал первым волком (серб.) (Раденковић 2023: 472).

В собаку превращают в виде наказания мальчика, который бежал за Спасителем и лаял на него (подол., галиц.), некоего человека за обжорство (рус.) или стража рая за воровство (могилев.) (ВЭСЛ 2019: 382). Не справилась собака со своей функцией стража и в сюжете о строительстве ковчега (курган.), в другом варианте сюжета АТУ 825 «Черт в Ноевом ковчеге» черт принял облик собаки, чтобы проникнуть в ковчег (волог.) (ВЭСЛ 2019: 444).

Из «Сказания о том, как Бог сотворил Адама» пришел в устную традицию рассказ о собаке, которая не справилась со своей ролью сторожа первочеловека, и поэтому стала нечистым животным. Бог приставляет сторожить еще бездыханного Адама собаку, которая почиталась «чистой» и еще не имела шкуры (рус.). Дьявол умоляет ее пропустить его к телу Адама и в награду обещает подарить меховую шкуру, а чтобы добиться своего, он насылет холод (рус., харьков.) или предлагает ей еду (орлов., сибир.). В результате Сатана оскверняет тело первого человека своими нечистотами. В фольклорной традиции Бог очищает тело первого человека от нечистот и грязи и из них лепит собаку (рус., родоп.). Этот сюжет объясняет репутацию пса как нечистого животного, а также появление шкуры, которая и считается

самой «поганой» частью собаки (УИМ 2017: 128-129; ВЭСЛ 2019: 381; БНТ 1963: 237).

В сюжетах о сотворении первых людей пес выступает и как вредитель, уничтожающий только что созданное творение. Он съедает изготовленных из теста Адама или Еву (киев.) или первый неудачный вариант Евы из теста, размокший от воды (брян.). Собака уносит еще бездыханную Еву, Бог пытается отнять ее, но в руках у него остается только собачий хвост, и он вынужден заново делать женщину из этого хвоста (в.-слав., пол.) (ATU 798 «Женщина сделана из хвоста обезьяны») (ВЭСЛ 2019: 120; Simonides 2010: 54; Zowczak 2000: 54, 57, 63; Krzyżanowski 1963: 175, № 2463). В одном варианте Бог в наказание за то, что собака плохо сторожила человека, отрывает у нее хвост, обмазывает его глиной и создает Еву (вят.). Или собака похищает из тела Адама ребро, начинает его грызть, Бог отнимает его у нее и делает из него Еву (харьков.) (ВЭСЛ 2019: 382). Пес кроме того съедает и свежизготовленных «москалей» и «хохлов» (укр., ю.-рус.), или «панов» (укр., бел.), вылепленных из теста (СУС -777** «Паны из пшеничного теста, мужики из глины») (ВЭСЛ 2019: 277-278).

Как нечистое животное собака в свою очередь дает начало «нечистым» растениям – табаку и картофелю: развратная женщина вступает в связь с собакой (вят., с.-рус., бел.), их убивают, и из трупов собаки (владимир.) вырастают табак и картофель, откуда и народные названия картофеля (*собачьи яйца, собачьи яблоки*) (ВЭСЛ 2019: 382). В балканской этиологической традиции эта противоестественная связь дает начало туркам (болг., лесковац.) (Белова 2004: 67; Милошевић-Ђорђевић 1988: 480).

Но собака часто выступает и в роли спасителя: носом она затыкает дыру в Ноевом ковчеге, поэтому он у нее всегда мокрый (краснодар.), прикрывает своим телом Христа, и он повелевает ей быть другом человека (иркут.) (ВЭСЛ 2019: 382). Однако главный сюжет, где собака спасает человечество, – это ATU 779G* «Преступление против хлеба», широко известный во всем славянском мире и за его пределами. Именно собака, одна или вместе с кошкой, упрасивает Бога (Христа, Богоматерь) оставить немного зерен на колосе, который Бог хочет полностью уничтожить за неуважение людей к хлебу. В некоторых вариантах собака – культурный герой: Бог подарил собаке, страдавшей от голода, пшеницу, а человек ее у собаки украл (харьков.). Согласно другой легенде, собаки подрались из-за подаренного зерна, оно рассыпалось по всей земле и дало богатый урожай, который забрали себе люди (гроднен.). В польской традиции и у украинцев Прикарпатья Божья Матерь дала во время потопа коту и собаке зерна, а урожаем, полученным от них, воспользовались люди. Во всех случаях сказка

заканчивается напоминанием, что люди едят собачий и кошачий хлеб и должны заботиться о своих спасителях (Белова 2004: 441-498; Боганева 2015: 181-189; ВЭСЛ 2019: 312-315; Krzyżanowski 1963: 187-188, № 2365; SSSL 2017: 252; Kropiej, Šmitek, Dapit 2010: 16; Brezovnik 1894: 14-15; СБНУ 1893: 134; СБНУ 1895: 132; Bolte, Polivka 1918: 417-418; Polivka 1930: 46). У словенцев люди проявляли неуважение не только к хлебу, но и к молоку. Поэтому слезы собак спасли колос, а слезы кошки – молоко (сюжет *219G*) (Kropiej Telban 2015: 348). У болгар собака сыграла роль культурного героя в момент, когда небо отделилось от земли. Она успела украсть колос овса и початок кукурузы и тем спасла человечество от голода (Ловешко) (Раденковић 2023: 473).

В сказочном сюжете АТУ 173 «Пересмотр продолжительности человеческой жизни и жизни животных», восходящем к басне Эзопа «Конь, бык, собака и человек», собака вместе с тремя другими животными, чаще всего лошадью, коровой и обезьяной (но на их месте могут быть и другие, в основном вьючные животные), выступает в роли дарителей. Они уступают человеку половину срока своей жизни, считая ее слишком долгой и тяжелой. Этиологический вывод таков: в результате состоявшегося передела человек живет по-человечески лишь в начале жизни, а затем его жизнь тяжела, как у осла, собаки, обезьяны, и ведет он себя подобно этим животным. Сюжет был популярен повсюду, но особенно в Восточной Европе, он известен всем славянам за исключением словаков (Кабакова 2019: 46-61; Kropiej Telban 2015: 307-308; Otčenášek 2019: 285-286).

Не менее популярен у славян, как и во всей Европе, сюжет АТУ 200 «Собачье удостоверение», объясняющий вражду кошек и собак, и его подвиды АТУ 200А «Собака теряет свое удостоверение» и АТУ 200В «Почему собаки обнюхивают друг друга» (Uther 2004: 126-127).

В сюжете АТУ 200 собаки доверяют кошке свой документ (купчую, дворянскую грамоту и пр., редко – бумажные купюры, чеш.), но кошка хранит его небрежно, и мыши съедают его (в.-слав., пол., луж., чеш., словен.) (ВЭСЛ 2019: 384-385; Otčenášek 2019: 301-309; Kropiej Telban 2015: 317-322). Цепь может удлиняться, и в начале событий может оказаться волк (в.-слав., чеш.) или свинья (словен.) (ВЭСЛ 2019: 385; Otčenášek 2019: 301-302; Brezovnik 1894: 15-17). Эта история объясняет вражду между всеми перечисленными животными.

В АТУ 200В псы готовят банкет и отправляют посланца за перцем. Он прячет его себе под хвост и не возвращается к сородичам. С тех пор они ждут его и при встрече обнюхивают друг друга (укр., бел., словен., пол., чеш.) (Federowski 1903: 125; ВЭСЛ 2019: 305; Brezovnik 1894: 5; Kropiej Telban 2015: 323; Otčenášek 2019: 310; Krzyżanowski 1962: 69, № 202). Другой вариант этого сюжетного типа перекликается с басней Федра

«Посольство собак у Юпитера»: собакам-депутатам, отправленным на переговоры с волками, привязывают флакон с духами или пряности, но волки загрызают их, и с тех пор все собаки обнюхивают друг друга под хвостом, ожидая возвращения послов (чернигов.) (Малинка 1902: 317). Или пес, переплывая реку, теряет привязанное под хвостом письмо с жалобой на людей (ATU 200A) (макед.) (Daskalova Perkowski, Dobрева, Koseva, Miceva 1995: 49).

Другие этиологические сюжеты имеет более узкое распространение, и собака в зависимости от традиции может быть заменена другим животным. Пес остается без дома, так как зимой было холодно его строить, а летом можно лежать на солнце (ATU 81 «Зимой зайцу холодно строить себе дом») (болг., серб., пол.) (Uther 2004: 72). У болгар и македонцев известен этиологический сюжет, объясняющий вражду собаки и зайца: заяц украл у собаки обувь, и с тех пор она преследует вора (ATU 200C* «Вражда между зайцем и собакой») (Daskalova Perkowski i in. 1995: 38).

Сказки о животных

Этот тип сказок наделяет пса разными, даже противоположными чертами характера. Во многих сюжетах сказок о животных, как и в других типах сказок, пес ведет себя как преданный друг кота. Вместе с другими домашними животными они успешно противостоят диким зверям в сюжете ATU 103 «Война между дикими зверями и домашними животными» (о.-слав.) (Uther 2004: 77-78; Костюхин 2004: 508) и разбойникам в не менее популярном сюжете ATU 130 «Животные на ночлеге» (о.-слав.) (Uther 2004: 99-100; Otčenášek 2019: 205-234).

В сказках, восходящих к античным басням и джатакам собака, существо наивное и не очень умное, пытается подражать волку или медведю и напугать коня. Тот убивает ее (ATU 47D «Пес хочет подражать волку») (в.-слав., пол.) (Uther 2004: 43). Увидев свое отражение в воде, она роняет изо рта кусок мяса (ATU 34A «Пес роняет мясо из-за отражения») (укр., бол., чеш.) (Uther 2004: 34).

В других сюжетах, напротив того, пес оказывается прожорливым, жестоким и коварным существом. Он становится сапожником при волке и требует, чтобы в уплату ему приносили корову, свинью, барана и т.п. (в.- и з.-слав.) (ATU 102 «Пес – сапожник волка») (Uther 2004: 77). Этот сюжет может соединяться с ATU 103, объясняя причину вражды диких зверей и домашних животных.

В сказках этого корпуса, если речь идет о взаимоотношениях между человеком и животным, всегда присутствует моральная

оценка. Здесь собака выступает как существо доброе и преданное своему хозяину, который проявляет себя далеко не с лучшей стороны. Старый пес, изгнанный из дома, входит в сговор со своим дальним родственником волком или медведем, и они инсценирует сначала похищение, а затем спасение хозяйского ребенка. Таким способом пес завоевывает себе право на возвращение (о.-слав.) (ATU 101 «Старый пес – спаситель ребенка или овцы») (Uther 2004: 76-77).

Но цена верности хозяину может быть очень высокой. Собака спасает ребенка, но его отец, увидев кровь на морде пса, считает, что тот погубил ребенка, и убивает его. Свою ошибку он осознает слишком поздно (ATU 178A «Невинный пес») (рус., укр., пол., чеш., макед., болг.) (Uther 2004: 122). У болгар были известны близкие варианты этой сказки. В сюжете *178C «Пес спасает стадо своего хозяина от волков» хозяин полагает, что пес загрыз овцу и убивает его; обнаружив свою ошибку, он кончает с собой; в сказке *178D «Пес показывает своему хозяину потерянные деньги» хозяин полагает, что пес стал бешеным, потому что старается заставить лошадь вернуться к месту, где хозяин уронил кошель. Финал сказки тот же, что и в предыдущем сюжете (Daskalova Perkowski i in. 1995: 48).

В целом тема собачьей верности – одна из самых популярных и за пределами сказок о животных. У украинцев известна сказка -968F* «Барин попадает в корчму к грабителям»: в корчме барин обнаруживает свою собаку, которую когда-то прогнал из дома за провинность. Она не дает ему уснуть и тем спасает от грабителей (СУС 1979 : 248).

Волшебные сказки

В волшебных сказках собака наделена множеством функций, в том числе и не учтенных в пропповской типологии. Во многих случаях собака предсказуемо выступает в роли помощника. Кроме привычной преданности хозяину собакой движет и чувство благодарности за спасение. В сказке ATU 315 «Коварная сестра» пес (три пса) помогает герою преодолеть препятствия, победить сверхъестественных антагонистов и избавиться от сестры, стремящейся его погубить. Собака помогает герою победить противника и в других сюжетах: в ATU 300 «Победитель змея» (Uther 2004: 174-175); в болгарских и македонских вариантах ATU 315A «Сестра-людоедка» (сюжет известен также хорватам и русским) и *315A* «Обещанный дьяволу (дракону) юноша» (Daskalova Perkowski i in. 1995: 74). Собака, иногда вместе с другими животными, помогает герою найти кольцо (бриллиант и т.п.) (о.-слав.) (ATU 560 «Волшебное кольцо») (Uther 2004: 328); волшебную мазь

(серб.) (ATU 974) (Чайкановић 1927: 250) и т.д. Иногда собаки заменяют волшебных помощников-людей: один пес накрывает стол разными яствами, другой лечит, а третий охраняет (пол.) (Okęcka-Bromkowska 1962 : 93-95). Волшебная собака оживляет убитого чародем ученика, нарушившего запрет открывать его книгу (укр., бел.) (СУС 1979: 118, № -325***). Пес выступает в роли посланника, проводника (Афанасьев 1984: 263; Афанасьев 1985: 157), что отражает представление о собаке как персонаже психопомпном (Röhrich 1951: 70-73).

Собака (как и другие животные, птицы) наделяется провидческим даром. Так, в сюжете ATU 480 «Добрая и недобрая девушки» она извещает свою хозяйку о том, что ее падчерица возвращается с богатыми дарами, а родная дочь погибла, например: «Тяв-тяв-тяв,— говорит,— как у Марфы-то царевны дак денежки в мешочке стучат да бредят, а у Ягичниной-то дочери да косточки в мешочке стучат да бредят!» (мурман.) (Меркурьев 2000 : 13). В роли вестницы собака в данном сюжете появляется и в других традициях: украинской, хорватской, чешской, польской (Березкин, Дувакин: K56a4; Krzyżanowski 1962: 153).

В сказке ATU 670 «Человек, понимающий язык животных» герой, обладающий тайным знанием языка зверей, узнает от собак о том, что происходит в хозяйстве. Они жалуются, что хозяйка их не кормит (рус., серб.). Или молодые псы идут на сговор с волками, чтобы те задрали овцу и поделились с ними мясом, но старый верный пес отговаривает их (серб., болг.). Наделенная провидческим даром, собака укоряет петуха, что он поет, тогда как хозяин стоит на пороге смерти (ю.-слав., словац.) (Русић 1954: 35; Daskalova Perkowski i in. 1995: 136; Gašparíková 2000: 82). Подслушав разговор собак, герой обнаруживает, что в дом собираются нагрянуть воры (рус.) (Афанасьев 1985: 224-225).

Собака может выступать в роли волшебного предмета. В сюжете ATU 739* «Животное, приносящее удачу» мальчик из неудачливой семьи находит собаку, и жизнь его сразу меняется к лучшему. Но отец или дед из ревности приказывает убить животное. Мальчику впрочем удается съесть кусок его мяса, и удача не покидает его (болг., макед., серб.) (Daskalova Perkowski i in. 1995: 150; Чайкановић 1927: 420-421).

В мире волшебной сказки переходы из мира людей в мир животных или растений – явление частое. Герой, обучившийся магии, ловко превращается в собаку и иных животных, в точности как и дьявол, преследующий его (ATU 325 «Ученик чародея»). Герой, наделенный чудесным даром, способен обратить своего похитителя-антагониста в собаку (ATU 652 «Принц, чьи желания всегда осуществляются») (в.- и з.-слав., словен., болг.) (Uther 2004: 357).

Герой сам может стать жертвой колдовства и превратиться в собаку. Этому посвящена сказка ATU 449 «Сиди Науман», пришедшая из

арабского мира и известная повсюду в Европе, в том числе практически во всем славянском мире. Жена-колдунья или вампир превращает супруга в пса. Умный пес спасает стадо от волков, а королевского ребенка от ламии (или иного нечистого персонажа). Когда он возвращается к жене, она превращает его в птицу. Другая волшебница возвращает ему человеческий облик, и он обращает свою жену и ее любовника в животных (быков). В другом варианте сюжета, который в болгарском указателе фигурирует как отдельный сюжет *449А, пес живет у пекаря, проявляя недюжинные способности, например, отличать фальшивые монеты. После того, как другая волшебница возвращает ему человеческий облик, он превращает свою коварную жену в кобылу (Daskalova Perkowski i in. 1995 : 94-95).

Метаморфоза возможна и в противоположном направлении. Сюжет СУС -828*** «Три невесты вместо одной», но не учтенный в Указателе Утера, имел широкое распространение среди украинцев, а также на Балканах и в передней Азии (СУС 1979: 210-211; Daskalova Perkowski i in. 1995: 172-173, № -828***). У девушки трое женихов, и ее отец (в некоторых македонских вариантах это Ной), не желая ни с кем из них ссориться, выдает свою дочь за одного из них, а двум другим предлагает невест, превращенных из собаки и свиньи. Затем он объезжает их с визитом и по поведению узнает, кто настоящая дочь, а кто в прошлой жизни был животным. У черногорцев племени Куча этот сюжет принимает этиологический оборот: от брака с дочерью происходят православные, с сукой - «латини», поэтому у них собачий характер, а со свиньей - мусульмане (СЕЗб 1931: 462).

В силу проницаемости миров в поэтике волшебной сказки животное может породить героя, что скорее всего отражает древние тотемические представления. Так, в роли мифического родителя могут выступать и домашние, и дикие животные: собака, кобыла, вол, бык, кот, медведь и под. У восточных и западных славян в одной из самых известных сказок АТУ 300 «Победитель змея»

чудесно рожденный богатырь-змееборец — сын собаки, и его называют Иваном (Василием) или просто Сукиным, Сучкиным, Сучениковым сыном, Сучьим рождением, Сучкиным сыном Золотые пуговицы, Таратуркой Собачьим сыном, Медвежьим ушком – Сучкиным сыном, Сучченком, Сучевичем, Сукевичем, Сучицем Сучкирем, Сучкирем Янком, Сучкирем Яношом, Сукой Япошом. В польских сказках, как и во многих украинских и белорусских, он называется Сучицем, Сукевичем, Сукичем. <...> В ряде чешских и словацких сказок, как и в украинских закарпатских, он именуется Сучкирем,

Сучкирем Яношом. Для фольклорного материала всех народов, у которых сюжет о змееборстве на мосту более или менее распространен, за исключением балканского материала, характерны сказки о змееборце собачьим сыне (Бараг 1981: 164).

Подобное происхождение, как правило, объясняется волшебной едой, вызвавшей волшебное зачатие. Ему посвящена сказка АТУ 303 «Близнецы или побратимы»: женщина, ее кухарка (служанка) и домашнее животное (собака, корова, кобыла) съедают волшебную рыбу (яблоко), беременеют и одновременно производят на свет названных братьев: например, Царенко Иван, Поваренко Иван и Сученко Иван (Афанасьев 1984: 236). Этот сюжет часто контаминируется с «Победителем змея».

В силу представлений, что собака может породить человека и наоборот, антагонист подменяет младенцев щенками, чтобы скомпрометировать их мать, как, например, в сюжете АТУ 707 «Три золотых ребенка». Или же, напротив того, в нарушении наказа убить героя слуга предьявляет в виде доказательства его одежду, испачканную собачьей кровью.

Новеллистические сказки

В новеллистических сказках – собака как наиболее близкое к человеку животное возникает часто, но ей редко отводится активная роль. Исключение составляет сюжет АТУ 921В «Лучший друг, злейший враг». В этой сказке черт показывает мужу, который считает своим лучшим другом жену, что она легко может ему изменить или даже готова убить его, прельстившись деньгами. В последний момент пес своим лаем спасает хозяина. Или же мужу предлагают побить сначала собаку, потом жену. Собака прощает хозяина, а жена уходит от него и возвращается, лишь когда узнает, что он собирается снова вступить в брак (в.-слав., с.-хорв., болг., чеш., словац.) (Uther 2004: 547; Daskalova Perkowski i in. 1995: 200; СУС 1979: 233). К этому сюжету близок сюжет СУС -968А* «Неверная жена и разбойник»: разбойник увозит чужую жену, муж настигает его и просит жену помочь, но она отказывается, заявляя, что будет женой победителя. Мужа выручает собака; в конце он убивает и разбойника, и жену (рус., бел.) (СУС 1979: 248).

В других сюжетах собака выступает в роли «фиктивного» героя: ей приписывают действия, которые собака заведомо не может совершить. Так, в сюжете АТУ 1750А «Отправить пса на обучение»

трикстеру поручают собаку, чтобы он за деньги взялся обучить ее или передал ее третьему лицу на обучение. Деньги он присваивает себе или делит с сообщником, а вернувшись, объясняет, что убил собаку, потому что она разоблачала прелюбодеяние хозяйки или хозяина или плохо о нем отзывалась (рус., укр., з.-слав, хорв.) (Uther 2004a: 411)¹.

Во всем славянском мире популярен сюжет ATU 1842 «Собачье наследство», восходящее к средневековому фавлю: крестьянин, благодарный своей издохшей собаке за клад, разысканный с ее помощью, хочет похоронить ее на кладбище. Когда он заявляет священнику, что собака завещала церкви крупную сумму денег, тот в конце концов соглашается похоронить ее с христианскими почестями (Uther 2004a: 453).

Собака связана с богатством и в других сюжетах, в том числе и в волшебных. В сюжете ATU 671 «Три языка» герой владеет языком собак, птиц и лягушек. От собак он узнает, где зарыт клад и как вылечить больную принцессу (болг., словен.) (Uther 2004: 367; Gabršček 1910: 13-20). В восточнославянских вариантах сюжета ATU 834 «Сокровище бедного брата» богач находит вместо клада дохлую собаку, бросает ее в окно бедняку – она рассыпается золотом; в волынской сказке СУС -989* «Ловкая собака» мальчик продает собаку богачу как «знайку», и она уносит у него все деньги, которые мальчик затем забирает у нее. В белорусской сказке СУС -1381D* «Злыдни» глупая жена отдает спрятанные мужем деньги цыгану. Собаки нападают на него, рассыпанные деньги подбирает муж (СУС 1979: 212, 252, 294).

Итак, наиболее контрастный образ собаки возникает в этиологическом корпусе. Такая ситуация представляется вполне логичной, поскольку именно этимологии отражают, пусть и не зеркально, и обосновывают статус того или иного персонажа или объекта в данной культуре. Пес может выступать как положительный персонаж в оппозиции к волку, в паре с котом он становится благодетелем человечества. Однако во многих сюжетах собака не справляется со своей основной функцией сторожа и подвергается наказанию. Эти тексты поясняют двойственное положение пса в традиционной культуре славян: с одной стороны, он близок к человеку, но с другой, доступ в домашнее пространство ему заказан.

И в некоторых сказках о животных пес может предстать отрицательным персонажем, который в конце концов терпит неудачу. Однако и в этом сказочном корпусе, и в других собака намного чаще наделяется положительными качествами, прежде всего преданностью человеку, готовностью выступать в роли помощника и спасителя, приносить счастье и богатство.

1 Ср. мотив говорящей птицы, разоблачающей адюльтер хозяев (ATU 1422 «Попугай разоблачает измену жены», ATU 1750 «Курица учится говорить»).

Библиография

- Афанасьев, А.Н. (1984). *Народные русские сказки А.Н. Афанасьева*. Т.1. Москва: Наука.
- Афанасьев, А.Н. (1985). *Народные русские сказки А.Н. Афанасьева*. Т.2. Москва: Наука.
- Бараг, Л.Г. (1981). Сюжет о змееборстве на мосту в сказках восточнославянских и других народов. В: *Славянский и балканский фольклор* (с. 160-188). Москва: Наука.
- Белова, О.В. (2004). «Народная Библия»: *Восточнославянские этимологические легенды*. Москва: Индрик.
- Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. *Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог* (<http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/>)
- БНТ (1963). *Българско народно творчество*. Т. 11: *Народни предания и легенди* / Отбрал и ред. Ц.Романска, Е. Огнянова. София: Български писател.
- Боганева, А. (2015). Беларускія версіі легенды пра колас: варыянтнасць, тыпавыя і рэдкія матывы, геаграфія распаўсюджання. *Беларускі фальклор. Матэрыялы і даследаванні*, 2, 171–189.
- ВЭСЛ (2019). *Восточнославянские этимологические сказки и легенды* / Под ред. Г.И. Кабаковой. Москва: Неолит.
- Гура, А.В. (1997). *Символика животных в славянской народной традиции*. Москва: Индрик.
- Кабакова, Г.И. (2019). *От сказки к сказке*. Москва: Редкая птица.
- Костюхин, Е.А. (2004). *Когда звери говорили*. Москва: Наука.
- Малинка, А.Н. (1902). *Сборник материалов по малорусскому фольклору*. Чернигов.
- Меркурьев, И.С. (2000). *Устное народное творчество поморов Мурманской области. Хрестоматия*. Санкт-Петербург.
- Милошевић-Ђорђевић, Н. (1988). *Српске народне приповетке и предања из Лесковачкој области*. Београд (СЕЗб. Књ. 94).
- Раденковић, Љ. (2023). Представе о псу в народној култури Срба у општесловянском контексту. В: *Слово и человек: к 100-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого* (с. 469-496). Москва: Индрик.
- Русић, Б. (1954). *Немушти језик у предању и усменој књижевности јужних словена: етнологска истраживања о питању тога веровања код нас и у науци уопће*. Скопје: Филозофски факултет.
- СБНУ (1893). *Сборник за народни умотворения, наука и книжнина*. Т. 9. София.
- СБНУ (1895). *Сборник за народни умотворения, наука и книжнина*. Т.12. София.
- СЕЗб (1931). *Српски етнографски зборник*. Књ. 48. Београд.
- СУС (1979). *Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка* / Сост. Л.Г. Бараг и др. Ленинград: Наука.
- УИМ (2017). *У истоков мира: Русские этимологические сказки и легенды* / Сост. и коммент. О. В. Беловой, Г.И. Кабаковой. 2-е изд. Москва: Форум-Неолит.
- Чажкановић, В. (1927). *Српске народне приповетке*. Београд. (СЕЗб. Књ. 41)
- Bolte, J., Polivka, G. (1918). *Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Gebrüder Grimm*. Bd. 3. Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung.

- Brezovnik, A. (1894). *Zakaj? Zato. Zbirka pravljic, pripovedk in legend za šolo in dom*. Ljubljana.
- Daskalova Perkowski, L., Dobрева, D., Koceva, J., Miceva, E. (1995). *Typenverzeichnis der bulgarischen Volksmärchen*. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica (*FF communications*. Vol. 257).
- Federowski, M. (1903). *Lud Białoruski na Rusi Litewskiej*. T. 3. Cz. 2. Kraków: Wydawn. Komisji Antropologicznej Akademii Umiejętności w Krakowie.
- Gabršček, A. (1910). *Narodne pripovedke v Sloških planinah*. Gorica.
- Gašparíková, V. (2000). *Slovenské ľudové rozprávky*. Zv. 2. Bratislava: VEDA.
- Kosi, A. (1897). *Sto narodnih legend. Slovenski mladini in preprostemu ljudstvu v pouk in zabavo*. Ljubljana: Giontini.
- Kroje, Telban, M. (2015). *Tipni indeks slovenskih pravljic. Živalske pravljice in basni*. Ljubljana: Založba ZRC.
- Kroje, M., Šmitek, Z., Dapit, R. (2010). *A Treasury of Slovenian folklore: 101 folk tales from Slovenia*. Ljubljana: Didakta.
- Krzyżanowski, J. (1962). *Polska bajka ludowa w układzie systematycznym*. Wyd. 2^e. T. 1. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich - Wydaw. Polskiej Akademii Nauk.
- Krzyżanowski, J. (1963). *Polska bajka ludowa w układzie systematycznym*. Wyd. 2e. T. 2. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich - Wydaw. Polskiej Akademii Nauk.
- Okęcka-Bromkova, M. (1962). *Nad jeziorem bajka śpi*. Olsztyn: Pojezierze.
- Otčenášek, J. (2019). *České lidové pohádky. Zvířecí pohádky a bajky*. Praha: Vyšehrad.
- Polívka, J. (1930). *Súpis slovenských rozprávok*. Zv. 4: *Legendy a legendárne rozprávky*. Turčiansky sv. Martin.
- Röhrich, L. (1951). Hund, Pferd, Kröte und Schlange als symbolische Leitgestalten in Volksglauben und Sage. *Zeitschrift für Religions- und Geistesgeschichte*, 3, 69-76.
- Simonides, D. (2010). *Dlaczego drzewa przestały mówić? Ludowa wizja świata*. Opole: Nowik.
- SSSL (2017). *Słownik stereotypów i symboli ludowych / Koncepcja całości i redakcja J. Bartmiński*. T. 2: *Rosliny*. Cz. 1: *Zboża*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Uther, H.-J. (2004). *The Types of International Folktales: A Classification and Bibliography*. Helsinki, Academia Scientiarum Fennica. Vol. 1 (*FF communications*. Vol. 133). [ATU]
- Uther, H.-J. (2004a). *The Types of International Folktales: A Classification and Bibliography*. Helsinki, Academia Scientiarum Fennica. Vol. 2 (*FF communications*. Vol. 134).
- Zowczak, M. (2000). *Biblia ludowa. Interpretacje wątków biblijnych w kulturze ludowej*. Wrocław: Wydawnictwo Funa.

Пас у словенским причама

Галина И. Кабакова

Резиме

У словенским усменим причама пас се појављује као амбивалентан лик. Његова најконтрастнија слика јавља се у етиолошком корпусу, будући да она поткрепљује статус одређеног лика или објекта у датој култури. Пас може деловати као позитиван лик, на пример, као културни херој, али у многим причама не испуњава своју примарну функцију чувара. У неким причама о животињама пас може бити негативан лик, који на крају доживљава неуспех. Међутим, у овом типу прича, као и у другим, углавном је обдарен позитивним особинама, пре свега оданошћу, спремношћу да делује као помоћник и донесе срећу.

Кључне речи: пас, вук, мачка, магијски помоћник, културни херој, етиологија.

Dog in Slavic Folktales

Galina I. Kabakova

Summary

In Slavic folktales, the dog is as an ambivalent character. The most contrasting image of a dog appears in the etiological corpus, since that image provides the background for the status of a particular character or object in a given culture. The dog can act as a positive character, for example, as a cultural hero, but in many stories the dog fails to perform its main function as a guard. The dog can be a negative character ultimately failing in some animal tales too. However, both in this type of folktales and in others, the dog is mostly endowed with positive qualities, primarily devotion, readiness to act as a helper, and bring good luck.

Keywords: dog, wolf, cat, cultural hero, magic assistant, etiology.

Галина И. Кабакова / Galina I. Kabakova

Университет Сорбонна, Париж / Sorbonne University, Paris

Институт славяноведения Российской академии наук, Москва /

Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail : galina.kabakova@sorbonne-universite.fr

<https://orcid.org/0000-0001-5935-4389>

Примљено/Received: 15. 6. 2024.

Прихваћено/Accepted: 16. 7. 2024.